

Коллекция
Приключений

А. Конан Дойл

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ШЕРЛОКА
ХОЛМСА

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА КНИГИ РАСКЛАДЫВАЕТСЯ

Артур Конан Дойл
Приключения Шерлока Холмса
Серия «Коллекция
приключений (Азбука)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74501426

Приключения Шерлока Холмса:

ISBN 978-5-389-34683-3

Аннотация

В самом сердце старого Лондона, в уютной квартире на Бейкер-стрит живет Шерлок Холмс – один из величайших героев своего времени. Проницательность, наблюдательность, острый ум и глубокие научные знания сделали его первоклассным сыщиком. Вместе со своим лучшим другом доктором Уотсоном Шерлок Холмс берется за расследование самых безнадежных и запутанных дел.

Содержание

Пестрая лента	13
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Артур Конан Дойл

Приключения

Шерлока Холмса

Рассказы

© Чуковский Н. К., наследники, перевод на русский язык,
2026

© Чуковская М. Н., наследники, перевод на русский язык,
2026

© Лившиц Д. Г., наследники, перевод на русский язык,
2026

© Леонова Н. А., иллюстрации, 2026

© Оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
«Махаон»®

* * *

Коллекция Приключений

А. Конан Дойл

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Рассказы

*Перевод с английского
Д. Ливиши, Н. и М. Чуковских*

Художник
Наталья Леонова

Москва «Махаон»

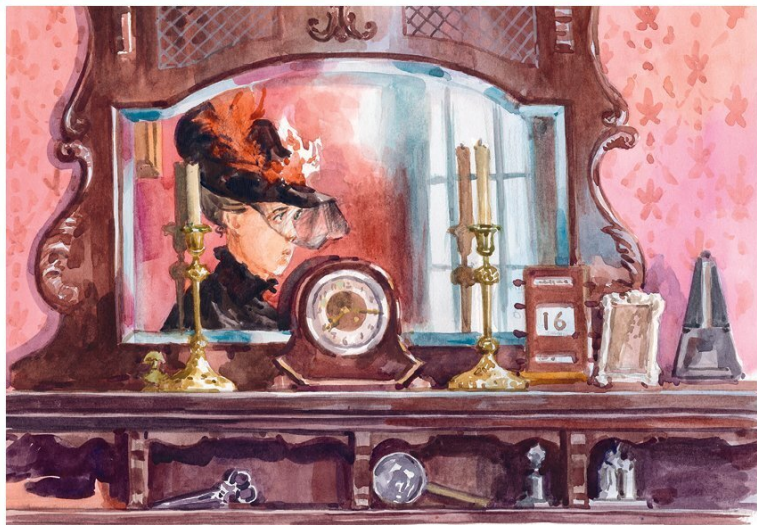

Пестрая лента

Просматривая свои записи о приключениях Шерлока Холмса – а таких записей у меня больше семидесяти, – я нахожу в них немало трагического, кое-что забавное, кое-что странное, но нет ни в одной из них ничего заурядного. Работая из любви к своему искусству, а не ради денег, Холмс никогда не брался за расследование обыкновенных, банальных дел; его всегда привлекали только такие дела, в которых есть что-нибудь необычайное, а порою даже фантастическое.

Особенно причудливым кажется мне дело Ройлотта. Мы с Холмсом, два холостяка, жили тогда вместе на Бейкер-стрит. Вероятно, я бы и раньше опубликовал свои записи, но я дал слово держать это дело в тайне и освободился от своего слова лишь месяц назад, после безвременной кончины той женщины, которой оно было дано. Пожалуй, будет бесполезно представить это дело в истинном свете, потому что молва приписывала смерть доктора Гримсби Ройлотта еще более ужасным обстоятельствам, чем те, которые были в действительности.

Проснувшись в одно апрельское утро 1888 года, я увидел, что Шерлок Холмс стоит у моей кровати. Одет он был не по-домашнему. Обычно он поднимался с постели поздно, но теперь часы на камине показывали лишь четверть восьмого. Я посмотрел на него с удивлением и даже несколько укоризненно.

— Весьма сожалею, что разбудил вас, Уотсон, — сказал он. — Но такой уж сегодня день. Разбудили миссис Хадсон, она — меня, а я — вас.

— Что же там такое? Пожар?

— Нет, клиентка. Какая-то девушка, ужасно взволнованная, приехала и непременно желает повидаться со мной. Она ждет в приемной. А уж если молодые дамы решаются в столь ранний час путешествовать по улицам столицы и поднимать с постелей незнакомых людей, я полагаю, что они хотят сообщить какие-то очень важные факты. Дело может оказать-

ся интересным, и вам будет неприятно, если вы не услышите этой истории с самого первого слова.

– Буду счастлив услышать ее.

Я не знал большего наслаждения, как следовать за Холмсом во время его профессиональных занятий и любоваться его стремительной мыслью. Порою казалось, что он решает предлагаемые ему загадки не разумом, а каким-то вдохновенным чутьем, но на самом деле все его выводы были основаны на точной и строгой логике.

Я быстро оделся и через несколько минут был готов. Мы вошли в гостиную. Дама, одетая в черное, с густой вуалью на лице, поднялась при нашем появлении.

– Доброе утро, сударыня, – сказал Холмс приветливо. – Меня зовут Шерлок Холмс. Это мой близкий друг и помощник, доктор Уотсон, с которым вы можете быть столь же откровенны, как и со мной. Ага, я вижу: миссис Хадсон догадалась затопить камин. Это хорошо, так как вы очень продрогли. Подсаживайтесь поближе к огню и разрешите предложить вам чашку кофе.

– Не холод заставляет меня дрожать, мистер Холмс, – тихо сказала женщина, подсаживаясь к камину.

– А что же?

– Страх, мистер Холмс, ужас!

С этими словами она подняла вуаль, и мы увидели, как она возбуждена, какое у нее бледное, искаженное ужасом лицо. В ее остановившихся глазах был испуг, словно у затравлен-

ного зверя. Ей было не больше тридцати лет, но в волосах уже блестела седина.

Шерлок Холмс окинул ее своим быстрым всепонимающим взглядом.

– Вам нечего бояться, – сказал он, ласково погладив ее по руке. – Я уверен, что нам удастся устранить от вас все неприятности... Вы приехали утренним поездом.

– Разве вы меня знаете?

– Нет, но я заметил в вашей левой перчатке обратный билет. Вы рано встали, а потом, направляясь на станцию, долго тряслись в двуколке по скверной дороге.

Дама сильно вздрогнула и в замешательстве взглянула на Холмса.

– Здесь нет никакого чуда, сударыня, – сказал он, улыбаясь. – Левый рукав вашего жакета по крайней мере в семи местах обрызган грязью. Пятна совершенно свежие. Так обрызгаться можно только в двуколке, сидя слева от кучера.

– Все так и было, – сказала она. – Около шести часов я выбралась из дому, в двадцать минут седьмого была в Лэтерхэде и с первым поездом приехала в Лондон, на станцию Ватерлоо... Сэр, я не могу больше вынести этого, я сойду с ума! Я умру!.. У меня нет никого, к кому я могла бы обратиться. Есть, впрочем, один человек, который принимает во мне большое участие, но чем он может мне помочь, бедняга? Я слышала о вас, мистер Холмс, слышала от миссис Фаринтош, которой вы так помогли в минуту ее тяжелого горя. Она

дала мне ваш адрес. О сэр, помогите и мне или по крайней мере попытайтесь пролить хоть немного света в тот непроходимый мрак, который окружает меня! Я не в состоянии отблагодарить вас сейчас за ваши услуги, но месяца через два я буду замужем, тогда у меня будет право распоряжаться своими доходами, и вы увидите, что я умею быть благодарной.

Холмс подошел к конторке, открыл ее, достал оттуда записную книжку.

— Фаринтош... — сказал он. — Ах да, я вспоминаю этот случай. По-моему, это было еще до нашего знакомства, Уотсон. Дело шло о диадеме из опалов. Могу вас уверить, сударыня, что я буду счастлив отнестись к вашему делу с таким же усердием, с каким отнесся к делу вашей приятельницы. А вознаграждения мне никакого не нужно, так как моя работа и служит мне вознаграждением. Конечно, у меня будут кое-какие расходы, и их вы можете возместить, когда вам будет угодно. А теперь попрошу вас сообщить нам все подробности вашего дела.

— Увы! — ответила девушка. — Ужас моего положения заключается в том, что мои страхи так неопределенны и смутны, подозрения основываются на таких мелочах, что даже тот, к кому я имею право обратиться за советом и помощью, считает все мои рассказы бреднями нервной женщины. Он не говорит мне ничего, но я читаю это в его успокоительных словах и уклончивых взорах. Я слышала, мистер Холмс, что

вы, как никто, разбираетесь во всяких порочных наклонностях человеческого сердца, и вы можете посоветовать, что мне делать среди окружающих меня опасностей.

– Я весь внимание, сударыня.

– Меня зовут Эллен Стонер. Я живу в доме моего отчима, Ройлотта. Он является последним отпрыском одной из старейших саксонских фамилий в Англии.

Холмс кивнул.

– Мне знакомо это имя, – сказал он.

– Было время, когда семья Ройлотт была одной из самых богатых в Англии. На севере Ройлотты владели поместьями в Беркшире, а на западе – в Хемпшире. Но в прошлом столетии четыре поколения подряд проматывали свое состояние, пока наконец один из наследников, страстный игрок, окончательно не разорил семью во времена регентства. От прежнего поместья остались лишь несколько акров земли да старинный дом, построенный лет двести назад. Впрочем, дом уже давно заложен.

Последний помещик из этого рода влачил в своем доме жалкое существование нищего аристократа. Но его единственный сын, мой отчим, поняв, что надо как-то приспособиться к новому положению вещей, взял займы у какого-то родственника необходимую сумму денег, поступил в университет, окончил его с дипломом врача и уехал в Калькутту, где благодаря своему искусству и выдержке вскоре приобрел широкую практику. Но вот в доме у него случилась

кража. Кража эта так возмутила Ройлотта, что в припадке бешенства он избил до смерти туземца-дворецкого, который служил у него. С трудом избежав смертной казни, он долгое время томился в тюрьме, а потом возвратился в Англию угрюмым и разочарованным человеком.

В Индии доктор Ройлотт женился на моей матери, миссис Стонер, молодой вдове генерал-майора бенгальской артиллерии¹. Мы были близнецы – я и моя сестра Джулия. Когда мать наша выходила замуж за доктора, нам едва минуло два года. Она обладала порядочным состоянием, дававшим ей не меньше тысячи фунтов дохода в год. По ее завещанию, всем этим доходом должен был пользоваться доктор Ройлотт, но только до тех пор, пока мы живем в его доме. Если мы выйдем замуж, каждой из нас должна быть выделена определенная сумма годового дохода.

Вскоре после нашего возвращения в Англию моя мать умерла – она погибла восемь лет назад при железнодорожной катастрофе. После ее смерти доктор Ройлотт оставил свои попытки обосноваться в Лондоне, чтобы наладить там медицинскую практику, и вместе с нами поселился в родовом поместье в Сток-Морене. Состояния нашей матери вполне хватало на то, чтобы удовлетворять все наши желания, и, казалось, ничто не должно было мешать нашему счастью.

Но странная перемена произошла с моим отчимом. Вме-

¹ Речь идет о британских колониальных войсках в одной из областей Индии – Бенгалии.

сто того чтобы подружиться с соседями, которые вначале радовались, увидев, что Ройлотт из Сток-Морена вернулся в старое родовое гнездо, он заперся в усадьбе и очень редко выходил из дому, да и то лишь затем, чтобы затеять безобразную ссору с первым же человеком, который встретится ему на пути.

Бешеная вспыльчивость, доходящая до исступления, передавалась по мужской линии всем представителям этого рода, а у моего отчима она, вероятно, еще более усилилась благодаря долгому пребыванию в тропиках.

Много было у него яростных столкновений с соседями. Два раза дело кончалось полицейским участком. Он сделался грозой всего селения... Нужно сказать, что он человек невероятной физической силы, и, так как он в припадке гнева совершенно не владеет собой, люди при встрече с ним буквально шарахались в разные стороны.

На прошлой неделе он швырнул в реку местного кузнеца, и, чтобы откупиться от публичного скандала, мне пришлось отдать все деньги, какие я могла собрать. Единственные друзья его – кочующие цыгане. Этим бродягам он позволяет раскидывать шатры на небольшом, заросшем ежевикой клочке земли, составляющем все его родовое поместье, и порой кочует вместе с ними, по целым неделям не возвращаясь домой. Еще есть у него страсть к животным, которых присылает ему из Индии один знакомый, и в настоящее время по его владениям свободно разгуливают пантера и пави-

ан, наводя на жителей почти такой же страх, как и он сам.

Из моих слов вы можете заключить, что мы с сестрой жили не слишком-то весело. Слуги не хотели жить у нас, и долгое время всю домашнюю работу мы исполняли сами. Сестре было всего тридцать лет, когда она умерла, а у нее уже начинала пробиваться седина, такая же, как у меня.

– Ваша сестра умерла?

– Она умерла ровно два года назад, и как раз о ее смерти я хочу рассказать вам. Вы сами понимаете, что при таком образе жизни у нас было мало возможностей встречаться с людьми нашего возраста и нашего круга. У нас есть незамужняя тетка, сестра нашей матери, мисс Гонория Уэстфайл, которая живет близ Хэрроу, и к ней время от времени нас отпускали погостить. Два года назад моя сестра Джулия проводила у нее Рождество. Там она встретила с отставным майором флота, и он сделался ее женихом. Вернувшись домой, она рассказала о своей помолвке нашему отчиму. Отчим не возражал против ее замужества, но за две недели до свадьбы случилось ужасное событие, лишившее меня моей единственной подруги...

Шерлок Холмс сидел в кресле, откинувшись назад и положив голову на диванную подушку. Глаза его были закрыты. Теперь он приподнял веки и взглянул на посетительницу.

– Прошу вас рассказать все возможно точнее, не пропуская ни одной подробности, – сказал он.

– Мне легко быть точной, потому что все события этого

ужасного времени глубоко врезались в мою память... Как я уже говорила, помещичий дом очень стар, и только одно крыло пригодно для жилья. В нижнем этаже размещаются спальни, гостиные находятся в центре. В первой спальне спит доктор Ройлотт, во второй спала моя сестра, а в третьей – я. Между спальнями нет сообщения, все они выходят в один коридор. Достаточно ли ясно я рассказываю?

– О да, очень ясно.

– Окна всех трех спален выходят на лужайку. В ту роковую ночь доктор Ройлотт рано удалился в свою комнату, но мы знали, что он не лег, так как сестру мою долго беспокоил запах крепких индийских сигар, которые он имел привычку курить. Запах этот заставил сестру покинуть свою комнату и перейти в мою, где мы просидели некоторое время, болтая о ее предстоящем замужестве. В одиннадцать часов она поднялась и хотела уйти, но у дверей остановилась и спросила меня:

«Скажи, Эллен, не кажется ли тебе по ночам, будто кто-то свистит?»

«Нет», – сказала я.

«И ты уверена, что тебе не случалось свистеть во время сна?»

«Конечно, не случалось. Но почему ты спрашиваешь об этом?»

«В последние ночи, часов около трех, мне ясно слышится тихий отчетливый свист. Я сплю очень чутко, и свист будит

меня. Я не могу понять, откуда он доносится – быть может, из соседней комнаты, быть может, с лужайки. Я давно уже хотела спросить у тебя, слыхала ли ты его».

«Нет, не слыхала. Может, свистят цыгане?»

«Очень возможно. Однако, если бы свист доносился с лужайки, ты тоже слышала бы его».

«Я сплю гораздо крепче тебя».

«Впрочем, все это пустяки», – улыбнулась сестра, закрыла мою дверь, и спустя несколько мгновений я услышала, как щелкнул ключ в ее двери.

– Вот как! – сказал Холмс. – Вы на ночь всегда запирались на ключ?

– Всегда.

– А почему?

– Я, кажется, уже упомянула, что у доктора жили пантера и павиан. Мы чувствовали себя в безопасности лишь тогда, когда дверь была закрыта на ключ.

– Понимаю. Прошу продолжать.

– Ночью я не могла уснуть. Смутное ощущение какого-то неотвратимого несчастья охватило меня. Была жуткая ночь: выл ветер, дождь барабанил в окна. И вдруг среди грохота бури раздался дикий вопль ужаса. То кричала моя сестра. Я спрыгнула с кровати и, накинув большой платок, выскочила в коридор. Когда я открыла дверь, мне показалось, что я слышу тихий свист, о котором мне рассказывала сестра, а затем что-то звякнуло, словно упал на землю тяжелый метал-

лический предмет. Подбежав к комнате сестры, я увидела, что дверь приоткрыта. Я остановилась, пораженная ужасом, не понимая, что происходит. При свете лампы, горевшей в коридоре, я увидела свою сестру, которая появилась в дверях, шатаясь, как пьяная, с белым от ужаса лицом, протягивая вперед руки, словно моля о помощи. Подбежав к ней, я обняла ее, но в это мгновение колени ее подогнулись и она рухнула наземь. Она корчилась, словно от нестерпимой боли, а руки и ноги ее сводило судорогой. Сначала мне показалось, что она меня не узнала, но, когда я склонилась над ней, она вдруг вскрикнула... О, я никогда не забуду ее страшного голоса!

«Боже мой, Эллен! – кричала она. – Пестрая банда!»

Она пыталась еще что-то сказать, указала пальцем в сторону комнаты доктора, но новый приступ судорог оборвал ее слова.

Я выскочила и, громко крича, побежала за отчимом. Он уже спешил мне навстречу в ночном халате. Сестра была без сознания, когда он вбежал к ней в комнату. Он влил ей в рот коньяку и тотчас же послал за деревенским врачом, но все усилия спасти ее были напрасны, и она скончалась, не приходя в сознание. Таков был ужасный конец моей любимой сестры...

– Позвольте спросить, – сказал Холмс, – вы уверены, что слышали свист и металлический лязг? Могли бы вы показать это под присягой?

– Об этом спрашивал меня следователь на допросе. Мне

кажется, что я слышала эти звуки, однако меня могли ввести в заблуждение завывания бури и потрескивания старого дома.

– Ваша сестра была одета?

– Нет, она выбежала в одной ночной рубашке. В правой руке у нее была обгорелая спичка, а в левой спичечная коробка.

– Это доказывает, что она чиркнула спичкой и стала осматриваться, когда что-то испугало ее. Очень важная подробность. А к каким выводам пришел следователь?

– Он тщательно изучил все это дело, потому что буйный характер доктора Ройлотта был известен всей округе, но ему так и не удалось найти мало-мальски удовлетворительную причину смерти моей сестры. Я показала на следствии, что дверь ее комнаты была заперта изнутри, а окна защищены снаружи старинными ставнями с широкими железными засовами. Стены были подвергнуты самому внимательному изучению, но они повсюду оказались очень прочными. Исследование полов тоже не дало результатов. Печная труба широка, в ней целых четыре выюшки. Итак, нельзя сомневаться, что сестра во время постигшей ее катастрофы была совершенно одна. Никаких следов насилия обнаружить не удалось.

– А как насчет яда?

– Врачи исследовали ее, но не нашли ничего, что указывало бы на отравление.

– Что же, по-вашему, было причиной смерти?

– Мне кажется, она умерла от ужаса и нервного потрясения. Но я не представляю себе, кто мог ее так напугать.

– А цыгане были в то время в усадьбе?

– Да, цыгане почти всегда живут у нас.

– А что, по-вашему, могли означать ее слова о банде, о пестрой банде?

– Иногда мне казалось, что слова эти были сказаны просто в бреду, а иногда я думала, что они относятся к какой-то банде людей – может быть, к банде цыган. Но почему эта банда пестрая? Возможно, что платки в крапинку, которые многие цыганки носят на голове, внушили ей этот странный эпитет.

Холмс покачал головой: видимо, такое объяснение не удовлетворяло его.

– Это дело темное, – сказал он. – Прошу вас, продолжайте.

– С тех пор прошло два года, и жизнь моя была еще более одинокой, чем раньше. Но месяц назад один близкий мне человек, которого я знала много лет, сделал мне предложение. Его зовут Эрмitedж, Пэрси Эрмitedж, он второй сын мистера Эрмitedжа из Крэнуотера, близ Рединга. Мой отец не возражал против нашего брака, и весной мы должны были обвенчаться.

Два дня назад в западном крыле нашего дома начались кое-какие переделки. Была пробита стена моей спальни, и мне пришлось перебраться в ту комнату, где скончалась сестра, и спать на той самой кровати, на которой спала она.

Можете себе представить мой ужас, когда прошлой ночью, лежа без сна и размышляя о ее трагической смерти, я внезапно услышала в тишине тот самый тихий свист, который был предвестником гибели сестры. Я вскочила, зажгла лампу, но в комнате никого не было. Лечь в постель я не могла – я была слишком взволнованна, поэтому я оделась и, чуть рассвело, выскользнула из дому, взяла двуколку в гостинице «Корона», которая находится напротив нас, поехала в Лэтерхэд, а оттуда сюда – с одной только мыслью повидать вас и просить у вас совета.

– Вы очень умно поступили, – сказал мой друг. – Но все ли вы рассказали мне?

– Да, все.

– Нет, не все, мисс Ройлотт: вы щадите и выгораживаете своего отчима.

– Я не понимаю вас...

Вместо ответа Холмс откинул черную кружевную отделку рукава нашей посетительницы. Пять багровых пятнышек – следы пяти пальцев – явно виднелись на белом запястье.

– С вами обошлись очень жестоко, – сказал Холмс.

Девушка густо покраснела и поспешила опустить кружева.

– Отчим – суровый человек, – сказала она. – Он очень силен и, возможно, сам не сознает своей силы.

Наступило долгое молчание, во время которого Холмс сидел, подперев руками подбородок и глядя на потрескивав-

ший в камине огонь.

— Это очень сложное дело, — сказал он наконец. — Мне хотелось бы выяснить еще тысячи подробностей, прежде чем решить, как надо действовать. А между тем нельзя терять ни минуты. Если бы мы сегодня же приехали в Сток-Морен, удалось бы нам осмотреть эти комнаты так, чтобы ваш отчим ничего не узнал?

— Он как раз говорил мне, что собирается ехать сегодня в город по каким-то очень важным делам. Возможно, что он будет отсутствовать весь день, и тогда никто вам не помешает. У нас есть экономка, но она стара и глупа, и я легко могу удалить ее.

— Превосходно. Вы ничего не имеете против поездки, Уотсон?

— Ровно ничего.

— Тогда мы приедем оба. А что вы сами собираетесь делать?

— У меня есть кое-какие дела, которые мне хотелось бы сделать здесь, в городе. Но я вернусь двенадцатичасовым поездом, чтобы быть на месте к вашему приезду.

— Ждите нас вскоре после полудня. У меня тоже здесь есть кое-какие дела. Может быть, вы останетесь и позавтракаете с нами?

— Нет, мне надо идти! У меня камень свалился с души, когда я рассказала вам о своем горе. Я буду рада снова увидеться с вами.

Она опустила на лицо черную густую вуаль и вышла из комнаты.

– Так что же вы обо всем этом думаете, Уотсон? – спросил Шерлок Холмс, откидываясь на спинку кресла.

– По-моему, это в высшей степени темное и грязное дело.

– Достаточно грязное и достаточно темное.

– Но, если наша гостья права, утверждая, что пол и стены в той комнате крепки, что через двери, окна и печную трубу невозможно туда проникнуть, ее сестра в минуту своей таинственной смерти находилась в полном одиночестве.

– В таком случае что означают эти ночные свисты и в высшей степени странные слова умирающей?

– Представить себе не могу.

– Если сопоставить все факты вместе: ночные свисты, банда цыган, с которой у этого старого доктора такие близкие отношения, намеки умирающей на какую-то банду и, наконец, тот факт, что мисс Эллен Стонер слышала какой-то металлический лязг, который мог издавать железный засов от ставни... если вспомнить к тому же, что доктор заинтересован в предотвращении замужества своей падчерицы, – я полагаю, что мы попали на верные следы, которые помогут нам пролить свет на это таинственное происшествие.

– Что же, по-вашему, делали здесь цыгане?

– Не знаю... Не могу сообразить.

– У меня множество возражений против вашей гипотезы.

– У меня тоже, и потому мы сегодня же едем в Сток-Мо-

рен. Я хочу проверить все на месте... Но, черт возьми, что это значит?

Так воскликнул мой друг, потому что дверь внезапно широко распахнулась и в комнату ввалился какой-то субъект колоссального роста. Одет он был не то как врач, не то как помещик. Его костюм представлял собою странную смесь: черный цилиндр, длинный сюртук, высокие гетры и охотничий хлыст. Он был так высок, что шляпой задевал верхнюю перекладину нашей двери, и так широк в плечах, что едва протискался в эту дверь. Его толстое, желтое от загара лицо было перерезано тысячью морщин, а глубоко сидящие, злобно сверкающие глаза и длинный, тонкий, костлявый нос придавали ему сходство со старой хищной птицей.

Он переводил взгляд с Шерлока Холмса на меня и обратно.

– Который из вас Холмс? – промолвил наконец посетитель.

– Это мое имя, сэр, – спокойно ответил мой друг. – Теперь вы имеете предо мной преимущество, так как ваша фамилия мне неизвестна.

– Я доктор Гримсби Ройлотт из Сток-Морена.

– Садитесь, пожалуйста, доктор, – любезно сказал Шерлок Холмс.

– Не стану я садиться! Здесь была моя падчерица. Я выследил ее. Что она говорила вам?

– Холодная у нас нынче весна! – сказал Холмс.

– Что она говорила вам? – злобно закричал старик.

– Но я слышал, что крокусы будут отлично цвести, – невозмутимо продолжал мой приятель.

– Ага, вы хотите отделаться от меня! – сказал наш гость, делая шаг вперед и размахивая охотничьим хлыстом. – Знаю я вас: вы подлец! Я уже слышал про вас. Вы любите соваться в чужие дела.

Мой друг улыбнулся.

– Вы проныра!

Холмс улыбнулся еще шире.

– Полицейская ищейка!

Холмс от души расхохотался.

– Вы удивительно приятный собеседник, – сказал он. – Выходя отсюда, закройте дверь, а то, право же, сильно сквозит.

– Я выйду только тогда, когда выскажусь. Не вздумайте вмешиваться в мои дела. Я знаю, что мисс Стонер была здесь, я выследил ее! Горе тому, кто станет у меня на пути! Смотрите!

Он быстро подошел, взял кочергу и согнул ее своими огромными загорелыми руками.

– Постарайтесь не попадаться мне в лапы! – прорычал он, швырнул искривленную кочергу в камин и вышел из комнаты.

– Какой любезный господин! – смеясь, сказал Холмс. – Я не такой великан, но, если бы он не ушел, мне пришлось бы

показать ему, что я едва ли слабее его.

С этими словами он поднял стальную кочергу и одним быстрым движением распрямил ее.

— Какая наглость смешивать меня с полицейскими! Благодаря этому происшествию наши исследования стали еще интереснее. Надеюсь, что наша приятельница не пострадает от того, что так необдуманно позволила этой скотине проследить за собой. Сейчас, Уотсон, мы позавтракаем, а затем я отправлюсь к юристам и наведу у них несколько справок.

Было уже около часа, когда Холмс возвратился домой. В руке у него был лист синей бумаги, весь исписанный заметками и цифрами.

— Я видел завешание покойной жены доктора, — сказал он. — Чтобы точнее разобраться в нем, мне пришлось справиться о нынешней стоимости ценных бумаг, в которых помещено состояние покойной. В год смерти общий доход ее составлял почти тысячу сто фунтов стерлингов, но с тех пор, в связи с падением цен на сельскохозяйственные продукты, уменьшился до семисот пятидесяти фунтов стерлингов. При выходе замуж каждая дочь имеет право на ежегодный доход в двести пятьдесят фунтов стерлингов. Следовательно, если бы обе дочери вышли замуж, наш красавец получал бы только жалкие крохи. Его доходы значительно уменьшились бы и в том случае, если бы замуж вышла лишь одна из дочерей... Я не напрасно потратил все утро, так как получил ясные доказательства, что у отчима были весьма важные ос-

нования препятствовать замужеству падчериц. Обстоятельства слишком серьезны, Уотсон, и нельзя терять ни минуты, тем более что старик уже знает, как мы интересуемся его делами. Если вы готовы, надо поскорей вызвать кеб и ехать на вокзал. Буду вам чрезвычайно признателен, если вы сунете в карман револьвер. Револьвер – превосходный аргумент для джентльмена, который может завязать узлом стальную кочергу. Револьвер да зубная щетка – вот и все, что нам понадобится.

На вокзале Ватерлоо нам посчастливилось сразу попасть в вагон. Приехав в Лэтерхэд, мы в гостинице возле станции взяли тарантас и проехали миль пять живописными дорогами Сэрри. Был чудный солнечный день, и лишь несколько перистых облаков плыло по небу. На деревьях и на живой изгороди возле дорог только что распустились зеленые почки, и воздух был напоен восхитительным запахом влажной земли.

Станным казался мне контраст между сладостным пробуждением весны и ужасным делом, из-за которого мы прибыли сюда! Мой приятель сидел, скрестив руки, надвинув шляпу на глаза, опустив подбородок на грудь, погруженный в глубокие думы. Внезапно он поднял голову, хлопнул меня по плечу и указал мне на луга куда-то вдаль:

– Посмотрите!

Обширный парк раскинулся по склону холма; из-за веток виднелись очертания крыши и шпиль старинного помещи-

чьего дома.

– Сток-Морен? – спросил Шерлок Холмс.

– Да, сэр, это дом доктора Гримсби Ройлотта, – ответил возница.

– Там сбоку есть постройка, – сказал Холмс. – Нам нужно попасть туда.

– Мы едем к деревне, – сказал возница, указывая на крыши, видневшиеся в некотором отдалении слева. – Но, если вы хотите скорей попасть к дому, ближе всего вам будет перелезть через изгородь, потом пройти полями по тропинке. По той тропинке, где идет эта леди.

– А эта леди как будто мисс Стонер, – сказал Холмс, закрывая глаза от солнца. – Да, мы пойдем по тропинке.

Мы вышли из тарантаса, расплатились, и экипаж покатил обратно в Лэтерхэд.

– Пусть этот малый думает, что мы архитекторы, – сказал Холмс, – тогда наш приезд не вызовет особых толков. Добрый день, мисс Стонер! Видите, как точно мы сдержали свое слово!

Наша утренняя посетительница радостно спешила нам на встречу.

– Я с таким нетерпением ждала вас! – воскликнула она, горячо пожимая нам руки. – Все устроилось чудесно: доктор Ройлотт уехал в город и вряд ли возвратится раньше вечера.

– Мы имели удовольствие познакомиться с доктором, – сказал Холмс и в двух словах рассказал о том, что произо-

шло.

Мисс Стонер побледнела.

— Боже мой! — воскликнула она. — Значит, он шел за мной следом!

— Похоже на то.

— Он так хитер, что я никогда не чувствую себя в безопасности. Что скажет он, когда возвратится?

— Придется ему быть осторожнее, потому что здесь может найтись кое-кто похитрее его. Вы должны на ночь запереться от него на ключ. Если он будет буйствовать, мы увезем вас к вашей тетке в Хэрроу... Ну а теперь нам нужно как можно лучше использовать время, и потому проводите нас, пожалуйста, в те комнаты, которые мы должны обследовать.

Дом был построен из серого, покрытого лишайником камня и имел два полукруглых крыла, распростертых, словно клещи краба, по обеим сторонам высокого центрального здания. В одном из этих крыльев окна были выбиты и заколочены досками; крыша местами провалилась. Центральная часть казалась почти столь же разрушенной. Зато правое крыло было сравнительно недавно отделано, и по шторам на окнах, по голубоватым дымкам, которые вились из труб, видно было, что семья живет именно здесь. У крайней стены были воздвигнуты леса, начаты кое-какие работы. Но ни одного каменщика не было видно.

Холмс стал медленно расхаживать по нерасчищенной лужайке, с глубоким вниманием изучая внешний вид окон.

– Насколько я понимаю, тут комната, в которой вы жили прежде. Среднее окно – из комнаты вашей сестры, а третье окно, то, что поближе к главному зданию, – из комнаты доктора Ройлотта...

– Совершенно правильно. Но теперь я живу в средней комнате.

– Понимаю, из-за ремонта. Кстати, как-то незаметно, чтобы эта стена нуждалась в столь неотложном ремонте.

– Совсем не нуждается. Я думаю, это просто предлог, чтобы убрать меня из моей комнаты.

– Весьма вероятно. Итак, вдоль противоположной стены тянется коридор, куда выходят двери всех трех комнат. В коридоре, без сомнения, есть окна?

– Да, но очень маленькие. Такие узкие, что в них невозможно пролезть.

– Так как вы обе запирались на ключ, то с той стороны пробраться в ваши комнаты было никак нельзя. Будьте любезны, пройдите в свою комнату и закройте ставни.

Мисс Стонер исполнила его просьбу. Холмс употребил все усилия, чтобы открыть ставни снаружи, но безуспешно: не было ни одной щелки, сквозь которую можно было бы просунуть хоть лезвие ножа, чтобы поднять засов. Он при помощи лупы осмотрел петли, но они были из твердого железа и крепко вделаны в массивную стену.

– Гм! – проговорил он, в раздумье почесывая подбородок. – Моя первоначальная гипотеза не подтверждается фак-

тами. Никто не может влезть в эти окна, когда ставни закрыты... Ладно, посмотрим, не удастся ли нам выяснить что-нибудь, осмотрев комнаты изнутри.

Маленькая боковая дверца вела в выбеленный известкой коридор, в который выходили двери всех трех спален. Холмс не счел нужным осматривать третью комнату, и мы сразу прошли во вторую, где теперь спала мисс Стонер и где умерла ее сестра. Это была просто обставленная комнатка с низким потолком и с широким камином из тех, что встречаются в старинных деревенских домах. В одном углу стоял комод; другой угол занимала узкая кровать, покрытая белым одеялом; слева от окна находился туалетный стол. Убранство комнаты довершали два стула да плетеный коврик посередине. Панели на стенах были из темного, источенного червями дуба, такие древние, что, казалось, их не меняли со времени постройки дома.

Холмс взял стул и молча уселся в углу. Глаза его внимательно скользили вверх и вниз по стенам, бегали вокруг всей комнаты, изучая и осматривая каждую мелочь.

– Куда проведен этот звонок? – спросил он наконец, указывая на висевший над кроватью толстый шнур от звонка, кисточка которого лежала почти на подушке.

- Он проведен в комнату прислуги.
- Он как будто новее всех прочих вещей.
- Да, он проведен всего два-три года назад.
- Вероятно, ваша сестра просила об этом?
- Нет, она никогда им не пользовалась. Мы всегда все делали сами.

– Действительно, здесь это лишняя роскошь. Вы меня извините, я задержу вас на несколько минут: мне хочется хорошенько осмотреть пол.

С лупой в руках он ползал на четвереньках взад и вперед по полу, внимательно исследуя каждую трещину в половицах. Так же тщательно он осмотрел и панели на стенах. Потом подошел к кровати, внимательно оглядел ее и всю стену. Потом взял шнур от звонка и дернул его.

– А звонок-то фальшивый! – сказал он.

– Он не звонит?

– Он даже не соединен с проводом. Любопытно! Видите, он привязан к крючку как раз над тем маленьким отверстием для вентиляции.

– Как странно! Я и не заметила этого.

– Очень странно... – бормотал Холмс, дергая шнур. – В этой комнате многое обращает на себя внимание. Например, каким нужно быть безмозглым строителем, чтобы вывести вентиляцию в соседнюю комнату, когда ее с такой же легкостью можно было вывести наружу!

– Все это сделано тоже очень недавно, – сказала Эллен.

– Сделано примерно в одно время со звонком, – заметил Холмс.

– Да, как раз в то время здесь произвели кое-какие переделки.

– Интересные переделки: звонки, которые не звонят, и вентиляция, которая не вентилирует помещение. С вашего

разрешения, мисс Стонер, мы перенесем наши исследования в другие комнаты.

Комната доктора Гримсби Ройлотта была больше, чем комната его падчерицы, но обставлена так же просто. Походная кровать, небольшая деревянная полка, уставленная книгами, преимущественно техническими, кресло рядом с кроватью, простой плетеный стул у стены, круглый стол и большой железный несгораемый шкаф – вот те предметы, которые бросились нам в глаза при входе в комнату. Холмс медленно похаживал вокруг, исследуя каждую вещь с живейшим интересом.

– Что здесь? – спросил он, стукнув по несгораемому шкафу.

– Деловые бумаги.

– Ого! Значит, вы заглядывали в этот шкаф?

– Только раз, несколько лет назад. Я помню, там была куча бумаг.

– А нет ли в нем, например, кошки?

– Нет. Что за странная мысль.

– А вот посмотрите!

Он снял со шкафа маленькое блюдце с молоком.

– Нет, кошек мы не держим. Но зато у нас есть пантера и павиан.

– Пантера, конечно, всего только большая кошка, но сомневаюсь, что такое маленькое блюдце может удовлетворить ее жажду. В этом кроется как раз то, что хотел бы я выяснить.

Он присел на корточки перед стулом и принялся с глубоким вниманием изучать его сиденье.

— Благодарю вас, все ясно, — сказал он, поднимаясь и кладя лупу в карман. — Ага, вот нечто весьма интересное!

Внимание его привлекла небольшая плетъ для собаки, висевшая в углу кровати. На ее конце была петля.

— Что вы об этом думаете, Уотсон?

— По-моему, самая обыкновенная плетъ. Не понимаю, для чего понадобилось свертывать ее в петлю.

— Не такая уж обыкновенная... Ах, сколько зла на свете, и хуже всего, когда злые дела совершает умный человек!.. Ну, с меня достаточно, мисс, я узнал все, что мне нужно, а теперь, с вашего разрешения, мы выйдем пройтись по лужайке.

Я никогда не видел Холмса таким угрюмым и мрачным. Некоторое время мы расхаживали взад и вперед в глубоком молчании, и ни я, ни мисс Стонер не прерывали течения его мыслей, пока он сам не очнулся от задумчивости.

— Очень важно, мисс Стонер, чтобы вы в точности следовали моим советам, — сказал он.

— Я исполню все беспрекословно.

— Обстоятельства слишком серьезны, и колебаться нельзя. От вашего полного повиновения зависит ваша жизнь.

— Я отдаю себя в ваши руки.

— Во-первых, мы оба — мой друг и я — должны провести ночь в вашей комнате.

Мисс Стонер и я взглянули на него с изумлением.

– Это необходимо. Я вам все объясню. Что это там, на той стороне? Деревенская гостиница?

– Да, там «Корона».

– Очень хорошо. Оттуда видны ваши окна?

– Конечно.

– Когда ваш отчим вернется, скажите, что у вас болит голова, уйдите в свою комнату и запирайтесь на ключ. Потом, когда вы услышите, что он пошел спать, вы откроете ставни вашего окна, снимете засов и поставите на окно лампу; эта лампа будет для нас сигналом. Потом, захватив с собой все, что пожелаете, вы пройдете в ту комнату, которую раньше занимали. Я убежден, что, несмотря на ремонт, вы можете один раз переночевать в ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.